

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК

Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ V

ЛЕНИНГРАД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1980

К вопросу о происхождении арабских числительных

Почему об арабских числительных, а не о числительных вообще в семитических языках, поскольку речь идет о происхождении? Разве можно разрешать генетический вопрос без учета ближайше родственных с арабским языков? Не диктуется ли тема простым актом вежливости перед юбиляром-арабистом? Конечно, из статьи по случаю 25-летия нашего арабиста, по школе основателя того русского востоковедения, из которого ныне от старшего поколения учеников и по арабскому автор настоящих строк, пожалуй, старейший, акт вежливости трудно исключить, но нельзя не помнить о чисто научной обязательности акта вежливости и в отношении арабского языка.

Никто не может отрицать так наз. родства, т. е. исключительной увязки арабской речи с языками того круга, который обычно именуется семитической «семьей», но у нас это нахождение в одном обществе есть результат не прародительского греха, единства изначального физиологически кровного происхождения, а надстроечное явление весьма поздних в истории человечества эпох. Это надстроечное явление требует для своего разъяснения работы над установлением его материальной базы, производства и производственных отношений соответственного, повторяю, отнюдь не первичного времени, даже какого-либо подобия подлинной первичности. Так установило новое учение об языке по яфетической теории. И вот по этому учению одни факты несут службу связи по языку между двумя социально-экономическими формациями в кругу конкретных материальных или надстроечных потребностей, — факты, представляющие собою, разумеется, опять-таки общественное достижение, при лингвистическом учете именуемое схождением по совокупности явлений всей системы (так наз. семья), или схождениями, когда интерес сосредоточивается на отдельных явлениях; другие

факты рядом с ними выявляют расхождения даже в кругу языков одной системы («семьи»), не исключая семитической: выступают расхождения, тем многочисленнее и тем более качественно несоизмеримее с общими признаками всей системы, чем более уделяется внимания этой существенной, а отнюдь не эпизодической стороне дела. Эти расхождения и составляют оправдание (*raison d'être*) для существования и признания отдельных языков. Эти расхождения не представляют собой отложений независимых отвлеченных явлений так наз. фонетических или иных формальных языковых фактов, принимаемых за законы; они и не случайные вклады со стороны налетавших миграций или внешних явлений «великодержавных культур» («заимствований»), а итоги внутреннего процесса развития материальной культуры (ее техники также) и с нею органически связанной формы общественной структуры.

По совокупности схождения и расхождения — отложения борьбы общественно-производительных сил в процессе нарастания внутри всего коллектива и выявления в нем внутренних противоречий, оформляющихся в самой жизни. Это — прогрессивное и регрессивное («консервативное») течения.

Не будь победы прогрессивных сил, не было бы схождения, не было бы новой системы или так наз. семьи, в том числе семитической «семьи». Без схождения мы не имели бы положения, что арабский язык входит в круг семитических языков, он вместе с другими образует особую «семью», собственно особую систему, на деле особую новую формацию, отвечающую потребностям особой общественной формации и потому сословную или классовую.

Не будь расхождений, не было бы отдельных языков семитической системы, не было бы, в частности, арабского языка, в первую голову не было бы и классического, письменного языка, тем более не было бы арабской «народной речи», языка в корне иной системы. Однако, в расхождениях различных семитических языков, в частности, и арабского с другими, вовсе нет основания считать изначальность явления, в них приходится признать расхождения с точки зрения новой, гегр. позднейшей системы, именно семитической. По смене системы, при подходе со стороны более древней системы или ряда более древних систем расхождения выявляют черты схождения. Расхождения становятся прямо-таки схождениями при учете прежней пережитой системы или прежних последовательно пережитых систем, отвечающих своей надстроечностью смене соответственных ступеней развития материальной базы. В то же время с переходом исследователь-

ского дела на предшествующие, далеко не первобытные стадии, круг входящих в соответственную прежнюю систему языков увеличивается, однако, входящие в прежнюю систему языки подлежат отнесению в нее не в целостности своей, а тем или иным слоем своего состава, представляющим общественную формацию более простого сложения, с выявлением меньшего охвата потребностей, с меньшим уточнением идеологии и меньшей технической отделанностью.

Семитическую систему формально выделяют такие явления, как функциональное распределение звуков гласных для оформления (морфологии), а согласных для идеологии (семантики), образование слов с помощью префиксов или комбинации префикса с огласовкой, троячность идеологических звуков, т. е. согласных, именуемых коренными, в предположении, что не только функция, но вообще существование гласных не имеет отношения к корню, как то производит впечатление каждый семитический язык при статическом подходе к нему. Затем в частях речи глагол — основная категория, от которой происходят все имена. В образованиях же глагольных форм (в спряжении) и особенно именных, выражающих взаимоотношения обозначаемых ими предметов или отношение к ним действия (глагола), картина меняется, расхождения увеличиваются. При старом взгляде (с фикцией о праязыке или хотя бы о существовании некогда изначально общесемитического языка), естественно, отсутствие каких-либо форм легко объясняется утратой, а наличие равнозначущих форм иной структуры воспринимается как новое образование. Ничего не стоит теперь вскрыть всю мишурность такого понимания бесспорной статичности семитических языков.

Затем внутренние взаимоотношения семитических языков также оцениваются лишь формально, так, в частности, с использованием фонетических корреспонденций, есть как бы (пользуясь терминами яфетической теории) сибилантная ветвь (южно-семитические) и спирантная (северно-семитические языки), так наз. арамейские «наречия», герс. языки, а в сибилантной ветви, свистящая группа (арабский язык) и шипящая группа (еврейский язык библейский), и все это семитологами отмечено с привлечением и эфиопского или абиссинского и ассирийского, но эта система звуковых корреспонденций не обнаруживает той выдержанности на фактическом материале семитических языков, даже «основных», какая присуща соответственным группировкам в яфетических языках. Аналогичное явление наблюдается в северном ныне кругу языков Восточной Европы, т. е. финской семье, но здесь другие причины

недоработанности системы («семьи»). Языки же яфетической системы, наоборот, представляют, несмотря на вхождение в один круг, полистадиальные образования. Благодаря этому устанавливается последовательность стадий, большая сложность у одних, меньшая у других языков, даже яфетических языков Кавказа, не исключая тех, что формально-фонетически своими корреспонденциями образуют особенно тесный круг сибилантной ветви со свистящей и шипящей группами и спирантной ветви: они точно дублируют, но более ярко, фонетические взаимоотношения семитических языков и разделяют с ними, одни меньше, другие больше, и иные более существенные для семитической системы признаки-координаты (функциональное распределение звуков на морфологические гласные и идеологические согласные, префиксальное образование, при том и тождественными звуковыми символами и т. д., не исключая падежных окончаний и признаков времен, наклонений, и залогов). Эта полистадиальность нашла свою решительную проверку в семантике, где по установлении происхождения фонем от элементов, четырех лингвистических элементов, включающих в себе двустороннюю увязку и с формой, и с содержанием, значением или его функциональной идеологией, открылась материальная база речевой надстройки и с нею возможность идеологического по стадиям разъяснения (палеонтология речи) не только слов, но и морфологии, более того — фонетики, как генетически социальных явлений, в конечном счете — отражений законов производств и производственных отношений. В связи с этим трехгласный канон семитической системы окончательно разъяснился как позднее бытовавшаяся схема, пережиток четырехгласного удвоения одного или сложения (то составных слов, то скрещенных образований) двух, а то и трех элементов. Естественно, что в языках яфетической системы, где трехгласие не бытовало в общеобязательную схему (оно наметилось к бытованию лишь в языке свистящей группы — грузинском), мы находим рядом с трехгласием и двухгласием от двухэлементных образований и один согласный, пережиток простого элемента или с гласным оформлением не отвлеченной грамматической категории, а социального порядка, выявляющего принадлежность данного вида слова к определенной социальной по производству группировке, лишь впоследствии (весьма поздно) племенной по крови. Ясно, что эти взаимоотношения языков яфетической системы прослеживаемы над словами первобытной хозяйственной потребности, материальной, и неразрывной с нею магической (тогда вовсе не религиозно-культовой, а производственно-культовой или трудовой, в той же мере,

как всякое иное орудие производства). Поэтому 'истина', 'правда' — порождение одной из позднейших ступеней стадияльного развития, хотя и одинаково везде представляет использование слова 'солнце' (← 'небо'), звучит различно в семитических и яфетических языках (арб. ḥak^{un},¹ евр. ḥotēn, ср. ʕāmīn 'во-истину', равно āmnāh адverb. 'в действительности', и весьма интересное своим -ʕešet, ʕamīʕ- 'истина', 'правда', сибилантной социальной группировки — ʕām-ūm 'истина', в выражении dīber ʕāmuṣ 'вещать истину', 'говорить правду', qšet, двойник *qšet, resp. qešet: 1) 'истина' ('солнце' ← 'небо'), сир. qūštā ~ арм. ʔišt 'истинный'; 2) ['лук' [← 'небо']], ег. араб. qashā, сир. qeshā, без 3-го элемента арб. qaws^{un} (однако, мн. ч. qusīʕun ~ qisīʕun)] при г. народном maḡdal 'правда', 'истинный' и др.-лит. феодальное общее с армянским «иранск.» ʔešmarit, груз. ʔešmarit с формами отвлеченного понятия si-maḡdī-e 'истина', 'правда', ʔešmarit-e + ba 'истина'. Меньше расхождения в увязанном по прежним представлениям с 'истиной' понятии 'вера', 'веровать', именно в слове, раньше возникшем для сигнализации 'веры', хотя и восходящем равным образом к 'небу' (евр. ḥāʕemīn 'уверовал', 'верил', арб. ʕāmana (пр. н. uḥṣṣni, равно VII порода), сир. ʕaṣaḡ при ʕaṣmaṣ-ūḏā 'вера', арб. ʕuṣṣān^{un} 'вера' (с оттенком внутренней убежденности в противоположность обрядности при наличии другого слова с тем же значением — dīn^{un} 'вера', 'религия', внешнее культовое ее проявление) и г. r-ṭmena || r-ṭmun-eb-a, sa-r + ṭmun-o-eba от 'неба' — г. ṭam '*небо', ср. г. ʕa 'небо', m-ṭa + m-s 'верую' и сем. арб. saṣaʕ^{un}, евр. šāṣa-uīm, сир. штау-ā и т. д., причем 'небо' использовалось тотемически, было тем же словом, что тотем, потому, с одной стороны, от тотема и слово 'имя' (← 'знамение'), арб. ʕi-sm^{un}, sim^{un}, евр. šēm, сир. шмā и т. д., с другой — в дальнейшем развитии — 'бог', так многократно анализируемое сохраненное сванами грузинское слово ṭar + ma-d (у грузин полнее — ṭar + maḡ-d в дериватном значении 'язычник', собственно 'одержимый тотемом' или 'служитель тотемного бога ṭarṣaḡṭ', космически 'солнца' ← 'неба'), чем взрывается не только обычное формально-филологическое семантическое обоснование семитических слов как для 'солнца' (арб. šams^{un}, евр. šemesh, šmsh-, сир. шешш-ā, асс. šamsu), resp. 'неба' (арб. semaʕ^{un} и т. д.), так для 'имени' (арб. ʕi-sm^{un} и т. д.), но и первичность их двухсложности или трехсложности, которые одинаково разъясняются как пережитки двухэлементного (AB) скрещения

¹ Предупреждаю, что первичный вид ḥa + k ← *ḥaḡ-kaṣ установлен с требуемым для него значением.

īar + ma-, причем сюда же тяготеет основной термин мусульманской веры — наследие язычества — ʕi-slām,¹ не говоря о разновидностях спирантного ряда ġer + me-.²

В животных же передвижения, а также в орудиях производства, геср. обороны, восходящих непосредственно к 'руке', первому орудию и обороны уже очеловечившегося антропоида, точнее уже производственно организованного коллектива, а не стадного объединения, равно в стихиях-элементах, использованных в образовании глаголов (точнее — для звуковой сигнализации действия-глагола, арб. fiʕl^{un}), с наглядностью очевидных фактов дают себя знать схождения незапамятных для человечества глубин пережитых им времен вне пределов наличных теперь, доселе исключительно учитываемых систем, архаичность которых, как первичность явлений, тем самым взрывается окончательно.

Так, например, в названии 'собаки' грузины выявляют общность термина с семитами, в частности с арабами, в спирантном слое своего языка, вкладе соответственной социальной группировки, в трехсогласном семитическом корне klb, слова в арабском с колеблющимся отнюдь не случайно произношением kal-b^{un} || kel-b^{un}, т. е. пережитке двухэлементного (АВ) скрещенного образования с яфетическим аффрикатным произношением начального согласного *kel-pel, геср. *ker-per, у грузин наличного в двух видах: 1) с утратой плавного исхода обоими элементами ке-ф в основе, с точки зрения семитологического восприятия — двухсогласной, глагола ке + ф-а 'лаять',³ происходящего, как установлено палеонтологией речи, от 'собаки' (т. е. ке-ф, геср. кер-р тогда означало еще 'собаку'), 2) с сохранением плавного г первым элементом от тотемических эпох анимистического мировоззрения в грузинском налично название уже позднее развивавшегося представления 'идол' — груз. кер-р (у армян еще более отвлеченно 'образ'); у сванов оно же также налично в более полном виде ġer-be \ ġerme в основе названия уже еще большей отвлеченности, именно совершенно позднего понятия 'бог' ġer + me-ʕ ↗ ġer + be-ʕ, что успело уже пережить функцию обозначения космического предмета культа 'неба' → 'солнца',

¹ См. Н. Марр. Арабский термин ḥanīf в палеонтологическом освещении. ИАН, 1929, стр. 92—93.

² См. ниже.

³ Ср. Н. Марр. Яфетические зори на украинском хуторе. Уч. зап. Инст. этнич. и нац. культ. нар. Вост., т. I, стр. 30.

почему слово, основой $\check{g}eg + me \nearrow \check{g}eg + be$ сигнализовавшее уже 'небо' (+ 'солнце' и т. п.), восприняло элемент С ($-de \rightarrow -\check{d}e$ 'дитя'), здесь наличное в виде пережитка $-d$, для уточненного моносемантического обозначения именно 'солнца', отселе воспринимавшегося буквально как 'дитя неба'.¹

Мы здесь не вдаемся в бесконечное множество разновидностей перечисленных двух вскрытых грузино-арабским сопоставлением слов: двух-согласного и трехсогласного (груз. $k\phi$, арб. klb); они наличны, помимо еще других языков яфетической и семитической систем, в языках угро-финской, более того урало-алтайской, протоеидской («индоевропейской») систем в массе по той или иной социальной среде сбытовавшихся оформлений со значениями от тотемной, впоследствии анимистической 'собаки' до отвлеченного общего понятия 'бог',² что совершенно взрывает возможность считаться с какими-либо перегородками позднее образовавшихся систем, когда речь идет о подлинной истории слова не только вообще, а в частности хотя бы об арабском $kalb^{un} || kelb^{un}$, трехсогласная норма которого и здесь улетучивается как дым. Здесь назову лишь одно слово, поддерживающее полностью наше восстановление с опорой на груз. $kerp$ 'идол', в архетипе * $ke\check{r}eg$ как формально, так семантически ('собака'): это существо греческого мифического мира $ker-ber$ 'цербер', привратник подземного мира, ада.

Пример, также достаточно избитый, уже из названий оружия, восходящих к 'руке' — арб. трехсогласный $\check{h}arb-a\check{d}^{un}$ 'дротик', 'острие' (евр. $\check{q}ere-b$, с мест. суфф. $\check{q}arb-uy$ 'меч', сир. $\check{q}arb-\check{a}$ 'меч'), груз., однако, все еще четырехсогласный $q\check{r}mal$ (трехсогласный в народном произношении $\check{q}mal$) 'меч'.³ Палеонтологически название 'меча' восходит к 'руке', и ясно, что дело мы имеем опять-таки со скрещенным образованием из двух элементов АВ — $\check{q}ar$ (resp. $\check{q}ar$) $\searrow \check{h}ar$ и mal , resp. mar (в груз. l здесь может быть и позднейшим в зависимости от специальной фонетической нормы, по которой из двух r одного слова последующий обращался в l), первично

¹ Ср. Н. Марр. Родная речь — могучий рычаг культурного подъема. Изд. Вост. инст. имени А. С. Енукидзе, стр. 45.

² Отчасти см. Н. Марр. Яфетические зори на украинском хуторе. Уч. зап. Инст. этн. и нац. культ. нар. Вост., I, стр. 29—31 и 63—64 сл. (ср. 32—34) Сюда же относится русское слово «собака»; см. Н. Я. Марр. Готское слово $guma$ 'муж'. К увязке готов с яфетическими народами Кавказа. ИАН, 1930, стр. 448, пр. 3, 452, 453 и статью: О праве собственности в Сборн. в честь Д. Б. Рязанова «На боевом посту», стр. 377 сл.

³ См. Н. Марр. Карфаген и Рим, faz и jus . Сообщ. ГАИМК, II, стр. 406—407.

сигнализовавших каждый в отдельности 'руку', как явствует 1) из истории груз. *m-ḡar* 'плечо', где *ḡar* \ ḡ¹*ar* 'рука' имеет распространение по всему средиземноморскому миру от Армении до Баскии, не исключая позднее народившихся языков прометеидской системы, бывших и наличных там же или уже за пределами этого тесного мира по всей Африке, 2) и из истории *maḡ-* 'рука', что в составе груз. *maḡ-ḡwen-e* 'правая рука', груз. *maḡ-ḡḡen-e* 'левая рука', с той же многочисленной родней также с распространением в мировом масштабе.¹ Но мы здесь ограничимся одним примером, опять-таки греческим, представляющим скрещение тех же элементов, но в обратном порядке (ВА) со значением также 'короткого меча', 'кинжала', 'ножа', 'жертвенного ножа' — *ma-ḡar-a*, где по отвлечении внешнего признака рода (-а) имеем тот же комбинат с утратой плавного г первым элементом и энентезисом «у» во втором (← *ḡar-i*, ср. греч. *χέρ* ← *ḡer-i*, груз. *ḡel*, *resp.* др.-лит. *ḡel* и т. д.). Средиземноморский вариант, сохранный греческим, интересен тем, что он ярко удерживает женский род, присущий слову 'меч' вовсе не из-за формального признака позднейшего окончания -а || -ē, а потому, что в греческом языковом сознании еще держалась связь с положением, по которому 'рука', использованная как название 'оружия' ('меча' и т. п.), происходя из семантического пучка 'рука + женщина + вода', независимо воспринималась как предмет не женского пола, а женской социальной среды (эпохи матриархата). И там, где женский род выработался и формально (морфологически в языке), пережиток этого положения порой всплывает так или иначе. То же самое наблюдаем в семитических языках: в арабском, слово, снабженное признаком женского рода -аḡ, также придатком позднейшего образования, поскольку слово *ḡarḡb*, означая также 'меч' [*resp.* 'действие меча' ← 'руки', 'бойню', 'рукопашню'], само по себе должно бы, быть женского рода на том же основании, именно на основании восхождения к 'руке', но термин *ḡarḡb* использован в значении 'войны', 'бойни', и, тем не менее, несмотря на мужское оформление, употребляется пережиточно и как слово женского рода, все на том же основании, да и евр. *ḡereb* 'меч' (прежде всего из *камня*), утративший в единственном числе след своего социального происхождения из стадии с матриархальным строем. Став словом мужского рода, множественное число, однако, он образует женского рода *ḡarāb-ōḡ*, *st. constr.* *ḡarḡb-ōḡ*.

¹ Н. Марр. Карфаген и Рим, *fas* и *jus*. Сообщ. ГАИМК, т. II, стр. 406; ср. его же, *Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык*, изд. Вост. инст. им. А. С. Енукидзе, стр. 123.

Но с числительными сложнее. Правда, мы здесь более четко осведомлены, что, смотря по ступени стадийного развития, человечество достигало в счете последовательно только до 3 или до 5, даже до 6, до 7, лишь потом до 10, 20, значительно позднее до 100 и совсем поздно до 1000 и далее. Но о каком же производственно-социальном коллективе может быть речь при предельном числе 'три' или хотя бы 'пяти'? Мы отвечаем: о весьма уже сложном и во всяком случае многочисленном, когда учим, что первобытная общественность, и не такая, мыслила при своем учете не простыми единицами, а собирательными. Представления об индивидуальном долго не было. Число выше максимума системы данной стадии, с прибавлением хоть единицы, соответственный коллектив на первых порах означал словом, получившим значение 'много'. Это можно видеть и по тому случаю, когда с шести и сейчас у калифорнийских индейцев особого числа нет, и они исчисляют предметы именем, означающим 'много'. Так по J. Baegerth'y, иезуитскому патеру, E. Fettweis сообщает на основании Mac Gee:¹ «Калифорнийцы в арифметике весьма мало сведущи, некоторые из них не в силах считать выше 6, тогда как иные не могут вести исчисление выше 3, поскольку никто по крайней мере из них не может сказать, сколько у него пальцев. Они не владеют ничем, что стоило бы считать, и отсюда их равнодушные к счету. Для них совершенно безразлично, имеет ли год 6 месяцев или 12 и в месяце три дня или тридцать, ибо каждый день у них праздник. Им мало заботы, один ребенок у них, 2 или 12, или вообще ни одного, так как 12 ребят у них не больше вызывают расходов или тревог, чем один и наследство не уменьшается (*nicht verringert wird*) от многочисленности наследников. Каждое число свыше 6 они выражают на своем языке словом 'много', предоставляя своему исповеднику справиться с тем, будет ли это число 7, 70 или 700».

Наконец, наличное состояние числительных, включающих большие числа, оказывается стандартизованным по 'руке', как единственной единице сигнализации количества, однако, это словообразование по технике — позднейшее явление, мы с ним входим, как бы архаично его ни наблюдали, в мир уже полной отвлеченности.

Числительные в семитических языках доработаны до тысячи, и с ними можно образовывать любые точные числовые обозначения с удовлетворением потребностей вплоть до астрономической науки. Арабский язык, по

¹ The Series Indians. Ann. Rep. Amer. Bureau of Ethnol., II, pp. 304—305.

крайней мере классический, письменный язык, разумеется, классовый, никак не мог оставаться равнодушным ни к точнейшему измерению времени, ни к не менее точному учету государственного или частного торгового имущества. Не мог также довольствоваться арабский наметкой на привычный глаз или «идеалистически» беспечно брошенным соображением при определении количества наследственной собственности, ни относиться безразлично к какой бы то ни было крупнице недохвата или избытка, да еще без возможности не «помнить лишь для себя», а «точно зафиксировать в условиях сложных социально-экономических потребностей мирового как практического, так теоретического значения». Потому трудно даже себе представить, какое количество скрещений и новообразований должно быть налицо в арабских числительных и как они, эти арабские числительные, должны были объединообразиться, выработаться в одну систему, особенно в числах общего мирового потребления. Если мы встретим в них разнообразие, то разве в первых числах в связи с их крепко засевшим в быту прежним ограниченным социальным кругом потребления и в ближайших дериватах от них, при отсутствии условий схождения, и в высших числовых образованиях вновь возникавших различных по району и времени социально-экономических образований, творивших одинаково в путях одного и того же глоттогонического процесса, но каждая формация черпала основной лексический материал для обработки в терминологии своей первичной тотемической общности. Так обстоит дело с 'тысячею', resp. 'десятком тысяч'. В свое время разъяснено было как 10 000, будучи одного происхождения у халдов Ванского царства с греками, по наследству прослеживается в халдской общественности или ином социально-экономическом образовании ее, также у армян и грузин [не говоря о позднее в Иране возникших социально-экономических образованиях с языками прометеидской («индоевропейской») системы, персидскими, в частности авестийским, переходного порядка], но у армян и грузин заимствующимися в виду словами, звучащими bewr (арм. нар. произношение буиr, гр. орфография bevγ), значение 10 000 установлено в древне-литературных классовых (феодалных) языках, в массовой же речи сохраняет все еще первичный не уточненный смысл 'множества', т. е. значит 'много', и только, как другое и полное сохранившееся образование древне-литер. mra-val (← *maγ-var), пар. диал. bre-vel (← *ber-ber).

В этом смысле с тем же словом увязано, представляет лишь его разновидность по социальной огласовке (e || a) арб. wa-fr 'многочисленный', 'пом-

breux' применительно к стадам, движимому имуществу, и сюда же примыкает, подкрепляя собой, как еще лишним аргументом, уже вскрытое палеонтологией происхождение этого прилагательного, также прилагательное значение 'общий', 'включающий в себя все', 'применяющийся ко всему',¹ ибо семантический архетип этого слова — 'мир', 'весь коллектив социально-экономического образования', разумеется, с его тотемом, впоследствии — племенное образование, 'народ' и т. п.²

При выяснившемся ныне подходе к генетическому вопросу о таких высоких числах, как 1 000 и 10 000, поскольку речь будет идти не о словостроении позднейшего технологического мышления, как, например, у грузин 'тысяча' ad-as, буквально 'десять сотен', а об образованиях, имеющих корни в глубине времен тотемической общности, большой интерес представляет, казалось бы, общесемитическое слово для 'тысячи', в арабском звучащее *ṯalṯan*. Действительно, мы имеем его не только в арабском, но и в моавитском, еврейском и в арамейских, не говоря о мертвом архаическом южно-арабском и живом эфиопском, притом, можно сказать, почти в тождественном оформлении. Однако, и в кругу этих перечисленных представителей семитической речевой системы («семьи») живой эфиопский или абисинский язык его использует в значении не 1 000, а 10 000. Ясное дело, что в слове мы имеем не специально для выражения того или иного количества сколоченный термин, а использование звукового комплекса, сигнализовавшего 'много', для обозначения того или иного большого числа в порядке функциональной семантики. То же самое приходится признать и у ассирийцев, пользующихся в значении 'тысячи' совершенно другим словом *li'ṯu* и тем нарушающих цельность общесемитической речи. Но и ассир. *liṯu* ← *li'ṯu*, как и термин остальных семитов в значении 'тысячи' (в эфиопск.

¹ Обычное формально-грамматическое рассматривание слова как существительного, именно формы имени действия, в лучшем случае может относиться лишь к его значению 'обилие' (abondance), но при этом значении семантический архетип требуется совершенно иной при сохранении звукового тождества.

² Мы сейчас не углубляем вопроса о разновидностях формальной стороны, фонетического ли они происхождения (по формуле $ew \longleftrightarrow iw \leftarrow o \longleftrightarrow u$) или элементарного (в одном случае BC — хл. *buḡ-a*, греч. *mwt + i-a-s*, в другом BB — *be-wr \longleftrightarrow bi-wr || bae-war-e*), равно как не уточняем в том и другом случае тотемической принадлежности термина, именно определенному социально-экономическому образованию, впоследствии определенному племенному образованию, примерно, при двухэлементном составе BB, собственно удвоении, как груз. *ṯga-val || bre-vel* — принадлежность тому коллективу, которому принадлежит название 'тигра' по-персидски *be-br*, гебр. *ba-br* и по-грузински *ve + ṯ-ṯu \longrightarrow ve + ṯ-ṯ*, см. Н. Марр. Карфаген и Рим, *fay* и *jus*. Сообщ. ГАИМК, т. II, стр. 399.

10 000), евр. *ʕelef*, *ʕalʕ*-, арб. *ʕalf*^{un} и т. д., связаны, это находят возможным констатировать и семитологи, со словами этнического порядка, именно евр. *ʕelef*, *ʕalʕ*- 'род', 'большая или меньшая часть народа', иногда полностью 'племя' и *ʕom* ↔ *ʕum* 'народ', 'нация', 'люди'. На этом, вероятно, кончается наш общий путь с семитологами, ибо дальше мы идем, руководимые палеонтологией речи, в частности семантики, в путях тотемической общности и соответственного мышления, почему к значениям этнического порядка 'народ', 'нация' и т. п., которые кое-кто из семитологов и сближает с асс. *ḥmu* ← *ḥmu*, мы присоединяем не указание на арабский глагол *laʕama*, гесп. *laʕa* 'собирать', (поскольку глаголы, как установлено, представляют категорию, так называемую часть речи, позднейших стадий в развитии звуковой речи), а арабск. *laʕm*^{un} 'личность', 'индивидуум', ибо, как опять-таки установлено палеонтологией речи, 'человек' ('персона', 'один') и 'люди' ('много', гесп. одно из множественного числа) представляют собою использование одинаково социально-экономического (в корне производственного) образования с его тотемом. И вот с учетом конкретных условий тотемической общности, ее мировоззрения и мышления можно бы представить таблицу семантического родословия семитических слов, возникших в глоттогонических путях на различных ступенях стадийального развития от одного полисемантического сигнального архетипа и в их наличной совокупности моносемантически уточненных значений со включением числового, тогда как те же слова старая школа лингвистов распределяет между тремя и более независимыми «трехсогласными корнями», ибо она не увязывала материальной базы и не учитывала производственно и общественно создававшейся идеологической функции звуковых символов, поскольку это формальное учение руководилось взаимоотношениями самих слов, как отвлеченных самодовлеющих фонетических и морфологических категорий, и физиологически оцениваемым звучанием «устанавливаемых» значений, т. е. вопреки всем законам даже природы, тем более общности, не бытием определялось мышление, а мышлением — бытие!

И сейчас нам достаточно указать, что арб. *ʕalf*^{un} (евр. *ʕelef*, *ʕalʕ*-) семитологами возводится к трехсогласному корню *ʕlf* (✓ *ʕlf* ← *ʕlp*) четырех, предполагается, в корне различных слов и их производных, на самом деле эти слова входят, как дериваты различных ступеней стадийального развития, собственно как соответственно различных эпох функциональные использования одного первично семантического архетипа, в указанную таблицу

родословия, распределяясь так от первичного слова-явления — коллектива производственной организации и ее тотема: а) *ʕelef*, *ʕalʕ* — ‘род’, ‘большая или меньшая часть народа’, первично — ‘производственно-социальная группировка’, ‘племя’, и от него дериваты 1) количественно: евр. *ʕelef*, *ʕalʕ* — ‘много’, ‘тысяча’, арб. *ʕalʕ*^{un} (эф. ‘10 000’); 2) социально: *ʕalʕ*^{un} ‘глава племени’, ‘один из племени’, ‘друг’, ‘доверенный’; арб. *ʕālīf*^{un}, *ʕalīf*^{un} и *ʕilf*^{un} — ‘друг’, ‘товарищ’, арб. *ʕalīf*^{un} ‘мальчик’, ‘холостяк’, но и ‘друг’, ‘товарищ’ [‘приобщенный к коллективу’ → ‘одомашненный’ →], ‘кроткий’; ‘бык’ (см. б) *ʕiyūlāf*^{un} ‘отношение клиента к патрону’; б) тотем и его дериваты: 1) в топонимике *ʕelef*, название города в колоне Вениамина; 2) космически [‘небо’ → ‘средство передвижения’] — асс. *elīṣu* ‘корабль’, араб. *ʕalef* id.; 3) анимистически — евр. **ʕelef*, *ʕalʕ* — ‘бык’, асс. *alpu*, евр. *ʕalūf* id., (см. а, 2); 4) [‘разум’], основа глаголов евр. *y-ʕalef* ‘учил’, сир. *yalef* ‘учился’.

Во-вторых, без числительных не обходится ни одно хозяйство, даже первичное с ограниченным счетом и кругом учетных предметов, и в то же время с разнообразием материальных способов удовлетворения этой потребности в первых числах, особенно в единице, да двойке. Ясное дело, что мы в арабских числительных имеем основание наблюдать встречу, с одной стороны, образования самых ранних стадий, не исключая первичных, с другой — уже стандартизованных систем исчисления позднейших стадий, также независимо от «рас» и «семей» в путях скрещения, как они, эти системы исчисления, отправляли также международную функцию у смещавшихся халифатом социально-экономических образований. Разрешу себе вульгарное сравнение: как, говорят, «не пахнет» рубль, так международно исключительно ходко число, не сградая никаким национальным запахом, ни плесенью традиций, почему, как не раз приходилось утверждать, число достигло первым единства международного выражения в цифрах, в основе арабских, что пока является недостижимым идеалом для письма, даже у нас в социалистически перестраивающейся стране, где в лучших начинаниях перестройки письма получаем уродливое оформление от ржавчины националистических и традиционно бытовавших и бытующих умонастроений.

Первые числа со включением ‘половины’ в арабском ставят перед нами ряд проблем, разрешение которых, зависящее от более углубленного яфетидологического обследования всего подлежащего материала, может получить общее значение не для одного арабского или вообще семитических языков;

так, например, что представляет собой начальный согласный («коренной») ʕ в числительном ‘один’ ʕaḥad^{un}, бесследно исчезающий не только в арамейском, resp. сирийском qad (qda-), элемент ли (А или С) и тогда основа окажется трехэлементной, ибо и без него с огласовкой «а», т. е. без всего начального слога остаток -ḥad, как и араб. qad двухэлементен (АС), или начальный слог лишь результат реализации трехгласной семитической системы с использованием первой фонемы до-семитической «диффузной» группы sġ, по ее спонтизации (s ~ h, resp. ʕ) в качестве первого коренного (ʕaḥa-d, resp. qā-d ← *sġa-d̥). Не имея сейчас условий для изложения всех наших оснований, мы лишь оговариваемся, что первые два согласные ʕh, resp. ʕq терминов ʕaḥad^{un}, равно ʕaqar^{un} ‘другой’, восходят к группе *ʕh, resp. hh ~ *sh, представляющей разложение первично диффузного звука h̥ с полногласием, вклинивающим между получившимися самостоятельными «коренными» согласными ту или иную социальную, в данном случае акающую огласовку (ʕah-, resp. *hah ~ *sah, resp. saḥ- и т. п.). Общий интерес представляет вопрос, в какой степени в арабском может быть проследжено палеонтологически то состояние, когда из числительных налицо была лишь группа из трех, с предельным высоким числом ‘три’, означавшим ‘много’ и восходившим к названию производственного коллектива, его же тотему? Ибо не подлежит никакому сомнению, что как восприятие предметов начинается от массового, а не единичного (ср. взаимоотношения единственного и множественного чисел), так счет не начинался с одного, сама потребность в счете предполагает наличие множества, следовательно, при предельном высоком числе ‘три’ сначала должно было быть получено его название (‘три’ — ‘много’), затем выделение из него ‘двух’ (‘пары’) и ‘одного’. Сейчас они, все три числа, толкуются технологически как ‘рука’ (1), ‘руки’ (2) и 1 (‘рука’) + 2 (‘руки’), resp. 2 (‘руки’) + 1 (‘рука’), (3), но ведь и в грузинском, где ‘три’ sa-m (*sal-m) разъясняется как 2 (sal) + 1 (m ← me) на соответственной позднейшей ступени стадийного развития с технологическим мышлением, отнюдь не отрезан еще путь к тому, чтобы то же слово sam с тем же архетипом было разъяснено на более древней стадии в порядке функционального использования тотема, resp. имени производственного коллектива, разумеется, тогда еще не племенного или хотя бы родового названия. Эти сложные вопросы более глубоких палеонтологических раскопок мы сейчас обходим, и наметку анализа первых чисел, уже по стабилизовавшейся технологической норме их

стройки от 'руки', начинаем со ставящего в тупик термина $pa\dot{s}f^{un}$ 'половина'. В тупик ставит то, что 'половина' восходит к 'двум' ('вторая часть'), гесп. к 'руке', но в подлежащей среде ни для 'двух', ни для 'рук' мы не находим как-будто созвучного материала. Однако, это лишь кажется, ибо глагол с тем же трехсогласным корнем $pa\dot{s}afa$ в значении 'коснуться', 'достигнуть', 'ударить по середине' не является производным от 'половины', а от имени, лежащего в основе действия 'ударить', 'достигнуть', 'коснуться', а таким именем является 'рука', как в русском такова же причина встречи слов «раз» 'однажды', '-жды', и «разить» 'бить', семантически восходящих одинаково к 'руке'; это же толкование поддерживается разновидностью того же корня nsb в слове арб. $ni\dot{s}ab$ 'рукоють ножа' (евр. $ni\dot{t}ab$ 'рукоють меча'), также восходящей к 'руке' и т. п. Более того, в этом «трехсогласном корне» имеем пережиток двухэлементного (DB) скрещения — $ns-f$, гесп. $ns-b$ и т. д., причем за каждым из входящих в его состав элементов, даже в наличном усеченном виде, устанавливается палеонтологически значение 'руки' (→ '1'), гесп. 'рук' (→ '2'), более того, всего первичного семантического пучка: 'рука + женщина + вода'. Так: а) элемент D — 1) 'рука': $pa\dot{s}afa$ 'он продал [← 'дал'] что-либо в кредит'; 2) 'женщина': $nis-$, основа мн. ч. арб. $nis-\dot{u}na$ (сир. $ne\dot{s}e$, евр. $ni\dot{s}-u\dot{n}$); 3) 'вода': $ni\dot{z}^{un}$ 'текучая вода', 'вода, выступающая как пот на поверхности почвы', 'земля, откуда вода выходит на поверхность'. Особый для нас интерес представляет разновидность элемента D с 1 вм. n в глаголе со скрещенной основой (DB) $la + mas$ 'касаться', 'щупать рукой', происходящем также от слова 'рука', причем la из формулы $lah \leftarrow go\dot{c} \leftrightarrow gi\dot{c}$ ($\sim la\dot{s} || go\dot{s} \leftrightarrow gi\dot{s}$), спирантизованный, следовательно, двойник las , в значении 'руки' (→ 'два'), и можем ли мы подойти к этому технологическому анализу 'трех', какой установлен не на одном грузинском эквиваленте ($sa\dot{m}$ 'три'¹), но семитические языки составность 'трех' арб. $\dot{\dot{s}}a\dot{l}\dot{\dot{a}}\dot{\dot{s}}^{un} ||$ евр. $sa\dot{l}\dot{o}\dot{s}$ вскрывают, как мне кажется, не как 2 + 1, а как 1 ($\dot{\dot{s}}a- || sa-$) + 2 ($-la\dot{\dot{s}} || -l\dot{o}\dot{s}$); б) элемент В, даже в усеченном виде: 1) арб. bi в значении 'при посредстве', 'с помощью' и т. п.; 2) $fa-$ '*один' в составе араб. $fa + \dot{q}a-t$ 'только',² и этот элемент представлен полностью у арабов в виде far , гесп. $ma\dot{r}$, из коих $far-$ налицо в составной двухэлементной основе $far-d^{un}$ 'единственный', 'один только'

¹ См. выше. стр. 624 и Н. Марр. О числительных, стр. 65, 90.

² При значении 'внутри' bi иного происхождения, равно $fa-$ лишь весьма окольным путем связано, можно сказать случайно созвучно, с fa 'и'.

(|| груз. *mar-to*, диал. *mar-tve* 'один только', 'только'¹, а в виде *mar* одно-элементно со значениями числительного 'раз' (→ 'жды') *шаг-аэ^{un}*, *миг-аэ^{un}* *id.*, восходящего к 'руке', равно '*воды' откуда глагол *мага* 'он протек', 'прошел', и двухэлементно (BC) в значении 'женщины' *mar+ф-аэ^{un}* (уменьш. *мигауаф-аэ^{un}*), *ф1-мгаф-аэ^{un}*, и когда усеченный вид этой последней основы (*m+ф*) также выявляет значение и 'воды' — *мāф^{un}* (мн. *туаэ^{un}*, также *фамwāэ^{un}* (*фа-m+wa-аэ^{un}*) и '*руки', ибо это значение лежит в основе глагола *мафау* 'протянул', то, казалось бы, с 'рукой' и связано не только '1', но и 'много', '10', в этом смысле и '100' арб. *миф-аэ^{un}*, но в значении 'много' мы не можем отказаться от его семантического архетипа, именно названия производственно-социальной группировки (племенного названия), гесп. тотема в космическом восприятии ('дети неба', гесп. 'дети солнца'), и тогда из присущих доньше этому слову нарицательных значений мы должны выбрать 'воду' в силу семантической формулы 'небо' → 'небо 1' → 'солнце', гесп. 'небо 3' → 'море' ('река', 'вода'), что, впрочем, отображается уже в скрещенных образованиях, у арабов наличных в следующих словах: *se+maф^{un}* 'небо', *ше+ms^{un}* 'солнце' ~ *уав-m^{un}* 'день'² и *уа-т^{un}* 'море'³.

Сложнее состав наиболее обычного у семитов термина 'один', араб. *ʔaḥad^{un}*, евр. *ʔeqad*, гесп. *ʔaqad*. Арабский же эквивалент *waḥad^{un}* 'единственный', 'один', *wāḥid^{un}* вовсе не отождествим формально с *ʔaḥad^{un}*, которого *ʔа*, как было разъяснено, фонетического происхождения, тогда как *wa-*, гесп. *wā-* — пережиток элемента В (*war*, гесп. *far* || *mar* см. выше, стр. 625), двойник, следовательно, *fa-* 'один' (см. выше, стр. 625). Возникший же фонетически арб. *ʔа-ḥad* (|| евр. *ʔeqad*) 'один', несомненно, означал и 'руку', ибо это значение присуще по палеонтологии речи его двойнику *ʔaḥad* (|| евр. *ʔaqaz*), основе глагола *ʔaḥadā* 'он взял' || *ʔaqaza* 'он схватил'. Но и без фонетически выделившегося *ḥа-*, как и без элемента *wa-*, гесп. *wā*, остаток представляет двухэлементное скрещение (AC) *-ḥа-d* || *-qа-d*, арам. *qа-d* 'один', арб. *қа-т* (см. выше *fa-қа-т*) 'один', равно их разновидности — асс. *[h]-šten* 'один' и *ʔа+шэу-*, пережившее у евреев

¹ Ср. Н. Марр. О числительных, стр. 89; его же, Карфаген и Рим, *fas* и *jus*, стр. 406.

² Сейчас не останавливаемся ни на произношении *затаэ^{un}*, *шатаэ^{un}*, ни на разъяснении внутренней группы гласного со слабым согласным или как разложения гласного «о» (ср. евр. *uom* ↔ арам. *uūm* или как пережитка удвоения (*уа - w+ш*, ср. сир. *зута-шā*, асс. *1 - m+ш*).

³ Кстати, другое же значение этого слова 'дикий голубь' относится к этому слову, как означавшему 'небо', а не 'море'.

с тем же значением в числительном '11',¹ и стоит только восстановить полностью каждый элемент арабского числительного ḥa-d, именно *ḥar-ḏin, чтобы в нем найти звуковой комплекс, тождественный с космическим тотемом и названием халдов. Но пока считаем почву неподготовленной, чтобы в яфетидологическом анализе арабских числительных спускаться при каждом случае в глубины тотемического языкотворчества.

И без того, в связи со всем сказанным числительные требуют особенно тонкой и сложной трактовки, несмотря на присущую им теперь простоту, бесспорную четкость и первично межпроизводственно-групповую, затем некогда мжиро-племенную, ныне межнациональную и международную полезность своим стандартизовавшимся и идущим к дальнейшей стандартизации единообразием, собственно в виду такого именно в них достижения человечества. И раз ставится генетическая проблема о числительных, то, естественно, нельзя ничего добиться, оставаясь в пределах не только арабского, но хотя бы всех семитических языков. Арабские названия чисел — плод творчества не арабов, конечно, не семитов вообще, не каких-либо пра-арабских или пра-семитических массивов-предков, а коллективов совершенно иного порядка. Числа относятся своим происхождением, и те, что в арабском и бесспорно арабские, к такой архаике, когда не было не только арабского или каких-либо иных семитических, прометеидских («индо-европейских»), турецких, угро-финских и т. д. языков, но когда не было еще на свете ни одной формации социального строя многомассового состава на соответственно обширном пространстве населяемой человечеством площади, а с нею не было ни надобности в языке широкого общего массового потребления, ни возможностей творчества по созиданию такой речи. Наличные тех эпох производственно-социальные группировки с их звуковой речью являлись сосудом общественного мышления иной природы, правильнее иного строя и порядка, да и в этих сосудах всегда, минимального объема, процесс мышления, неразрывный с процессом производства и руководства им, составлял достояние не всей массы. Когда мы теперь, думаю, начинаем понимать, что звуковая речь получилась путем диалектического расхождения с господствовавшей дотоле ручной речью, собственно ее порождение обусловлено было длительным процессом борьбы производственно-социальной группировки, обладавшей новой техникой, с производственно-социальной

¹ Под вопросом остаются асс. edu и др.-вав. wēdu, двухэлементные ли в них образования с архетипом *he-du и wē-du, или трехэлементные с архетипами *he-h+du и wē-h+du

группировкой старой техники, когда, следовательно, было такое время, когда и по возникновении звуковой речи многие массовые коллективы вообще и не говорили звуковой речью, когда мы понимаем, что раньше звуковой речи вообще не было, а пользовались линейной или ручной речью, а при этой линейной речи, поскольку не только говорили, но и «думали» «рукой», мысль была неразрывна со словом, последнее же с производством, и это перешло, как наследие, и в звуковую речь на первых этапах ее сложения и развития, то совершенно естественно, что мышление также не было и не могло быть достоянием всех масс, как не был общим достоянием язык. И эта разность среды, где возникала и развивалась речь как линейная или ручная, так звуковая, в зависимости от ее количественного объема и ее территориального охвата, соответственного производства с его каждый раз особой функцией и техникой воздействия, органически сказывалась на непримиримых расхождениях и в восприятии предметов, и самой технике такого восприятия, отсюда и необходимость совершенно иного осмысления лексического материала, в том числе и счета, был ли он линейный или уже звуковой на первых этапах звуковых сигнализаций.

Творчество изначальных эпох происходило при мировоззрении человеческого коллектива, находившегося полностью во власти природы, и, казалось бы, мышление, следовательно, и речевая культура могли слагаться в зависимости от производства, протекавшего во все моменты его процесса в общении с природой, ее непосредственно используемыми силами, и как материал, и как орудие, и как отводимое для производства место и равным образом время. Возникавшие в условиях такого непосредственного воздействия природы представления не могли не отражать опытно приобретенных знаний, но при отсутствии данных для проникновения в причинность явлений на помощь приходило умение «общения» с этой неизвестной силой, собственно воздействия на нее движением, и это производственное действие и есть магия.

Касательно магической силы чисел фактического материала сколько угодно. Есть по вопросу свод, делавшийся и таким этнологом-теоретиком, как Lévy-Bruhl, и таким исследователем специально систем счета у «природных» народов, как E. Fettweis (автор работы «Das Rechnen der Naturvölker»).¹

У последнего читаем: «Американский профессор Мас Гее писал: „как химия возникла из алхимии и астрономия из астрологии, так возникла мате-

¹ Leipzig-Berlin, Teubner, 1927.

матика из Алмакабалы“.¹ Действительно, мисгика чисел широко распространена у народов культурных и [это не наше, яфетидологов, выражение] ‘природных’ [Naturvölker]. Выявлением мистики числа ‘2’ в Австралии по [наблюдениям] Мас Гее должно быть деление многих племен на два главных деления или Фратрии. Каждая Фратрия распадается в свою очередь на два, четыре или восемь брачных класса».²

«Арунта (Die Arunta) центральной Австралии по Мас Гее верят, что тень души (Seelenschatten), сопровождающая каждого человека, присутствует двукратно.³ Когда среди негров йоруба (Yorubaneger) кто-либо дает три вещи, то это значит то же, что если бы кто сказал: «я ненавижу тебя».⁴ На восточной и центральной Суматре ‘три’ тоже означает неприязнь как несчастное число.⁵ Когда сакаи отправляют посольство соседнему племени, то заворачивают щепотку табаку (etwas Tabak) в древесный лист и обвязывают его ремешком из лубка (Bastschnur). Если у шнурка три узла, то это значит отказ от дружбы.⁶ У моссиев (Mossi) в Судане число 3 посвящено мужчинам, 4 женщинам, 3 играет роль при трауре по члену племени мужчине, 4 — по члену племени женщине. По данным Расмузена (Rasmussen) у известных эскимосских племен Северной Аляски также родственники (die Angehörigen) соблюдают траур три дня при смерти мужчины, четыре дня — при смерти женщины. Число 4 выступает почти у всех «природных народов» (Naturvölker). Прославленная, часто воспроизводимая в рисунке пляска буйволов манданских индейцев исполнялась четыре раза в первый день охоты, во второй день охоты двукратно четыре раза, двукратно в направлении каждой из четырех стран света, соответственно на третий день охоты троекратно четыре раза и на четвертый день охоты четырежды четыре раза».⁷

В заключении сообщения о пляске бизонов Fettweis значение числа 4 производит («должно происходить», пишет он) «от констатированных четырех стран света». И непосредственно за этим перед переходом

¹ Mac Gee. Primitive Number. Ann. Rep. Amer. Bureau Ethn. 1917/18, Washington.

² Buschan. Illustrierte Völkerkunde, I, стр. 9—10.

³ Mac Gee, стр. 838, по цит. книге Fettweis’a, стр. 1.

⁴ Denett. How the Yoruba count, I, Afr., стр. 243, (1916/17, 1917/18).

⁵ Moszkowski. Die Völkerschaften von Ost- und Zentralsumatra. Zeitschr. Ethn., Bd. 40, 1908).

⁶ Moszkowski, o. c., стр. 654.

⁷ Lévy-Bruhl F. M., стр. 243.

к трактовке чисел выше четырех, он замечает: «Придача стоянки (des Standspunkts) самой личности к четырем странам света привела, вероятно, к мистическому числу 'пять', также как прибавка выше и ниже (von oben und unten) привела к мистическим числам '6' и '7'».¹

Lévy-Bruhl, на которого при этом ссылается E. Fettweis, сам отсылает к Catlin'у, The North American Indians, I, p. 185—186, откуда он заимствует, предваряя им сообщение о пляске буйволов, собственно бизонов, рассказ о почитании мехов или бурдюков с водой у мандианов: »у них на полке хижины имелось еще четыре предмета, весьма важных и очень почитаемых. Это были меха или бурдюки, вмещавшие каждый от 3 до 4 галонов воды [галон = 4.5 л]... предметы суеверного благоговения, сделанные с затратой большого труда и с большим искусством... шитые в виде большой черепахи, покоящейся на спине, с пучком (touffe) орлиных перьев вроде хвоста... Эти четыре меха для воды казались очень древними. На мои расспросы человек лекарского звания (l'homme-médecin) ответил важно, что эти четыре бурдюка содержат воду, происходящую с четырех стран света и что эта вода находится там с тех пор, как воды установились (s'étaient fixées); разъяснение, которое Catlin признает крайне комичным».

Далее, продолжая свод сообщений путешественников о магическом значении чисел свыше четырех у «природных» народов, E. Fettweis пишет: «Алфуры западной половины острова Ceram'a группы Молукков (Molukken Inseln), распадаются на части Patalima и Patasiwa. Lima значит '5', а siwa — '9'. У первых 5 является священным числом, как у последних 9».²

E. Fettweis прослеживает весь ряд числительных до 12, и нет ни одного из них, с которым в быту отсталых племен Австралии, Америки и Африки не была бы связана магическая сила. Fettweis пишет, что «мистические числа в большинстве случаев не идут выше 12».³

¹ MacGee, III, p. 656 по Fettweis'у, о. с., p. 1—2.

² Ссылаясь на Taubert, II, стр. 165, Fettweis в тексте предупреждает, что «больше об этом ничего неизвестно». Имея в виду определенное нумеративное значение слова leng и у персов при известных предметах ('штука', 'ряд зерен в четках' и т. п.), нельзя не согласиться с Ю. Н. Марром в постановке вопроса: «не таково ли происхождение двух главных подразделений бахтиарских племен, поскольку они делятся на две группы هفت لنگ häf3 leng и چار لنگ 3är leng?». Однако, у бахтиаров же в охотничьей речи предельное высокое число 1000, при 1001-м убитом звере охотник подвергается каре.

³ Присоединяю справку Ю. Н. Марра из его наблюдений у персов: «Я не знаю специальных исследований в этой области персидского языка и быта, однако, не на магическое ли

Однако, излюбленная повторяемость '17' у мариев (черемисов), 'сорока' у русских и других клонит к мысли о магическом значении и этих, превышающих одну дюжину чисел, как то приходится учитывать русские выражения¹ «сорок сороков церквей», «продли бог веку на сорок сороков», или в обычае русских в старину «жениха и невесту опаживать сороком черных соболей (великого князя Василия Ивановича и Елену)», а «в награду одаряли из царской казны сороком, полсороком соболей», «дороги твои сорок соболей, а на правду матку и цены нет», «сорок лет — бабий век» и т. п.

Lévy-Bruhl, посвятивший магии чисел целую главу «Мистическое могущество чисел»,² отмечает попутно:³ «В отсталых обществах ничто или почти ничто не воспринимается так натурально, как то нам представляется. Для их мышления (*mentalité*) нет физического явления, которое было бы [просто или] чисто фактом. Все, что воспринимается, в то же время окутывается в комплекс коллективных представлений, в которых преобладают мистические элементы. Равным образом, не существует имени, которое было бы только [*purement et simplement*] именем; нет, следовательно, и имени числительного, которое было бы чисто и просто наименованием числа. Отложим в сторону практическое использование чисел, которое примитив делает при счете, например, того, сколько часов работы ему надо или сколько рыб он поймал сегодня. Каждый раз как он себе представляет число как число, он его представляет неизбежно с мистической силой и значением, принадлежащим этому числу и только ему в силу равным образом мистического приобщения. Число и его название по необходимости носители (*véhicule*) этих приобщений. Каждое число имеет таким образом свою индивидуальную физиономию, своего рода мистическую атмосферу, свое поле развертывания силы, ему свойственное. Каждое число, следовательно, представлено, можно бы сказать, прочувствовано, специально через него самого и без сравнения с другими. С этой точки зрения, числа не представляют однородной (*homogène*) серии и вследствие этого они значение числа семи когда-то и в какой-то среде указывают следующие факты: 1) крестьянка Секине, из-под Исфагана, неграмотная, всегда при счете вместо 'восемь шай', что в Персии повсеместно в простонародьи будет *do ābāsi yek šau*, т. е. 'два четырехшайника (и) один шай' или *deh šau yaq šau qām* = 10 шай без 1 шая, говорила *hef šī do šī*, т. е. 'семь шаев (и) два шая'. Примеры же подчеркнутого использования 'семи' и 'четырех' в литературных памятниках и в фольклоре общеизвестны».

¹ Словарь Даля, изданный под ред. Бодуэна-де-Куртене, т. v.

² FM, стр. 235—257.

³ Стр. 236.

совершенно неспособны [быть средством отвлеченных выкладок], не поддаются самым даже простым логическим или математическим действиям. Мистическая индивидуальность каждого из них делает то, что их нельзя ни слагать, ни вычитать, ни умножать, ни делить» и т. д.

Я не продолжаю этих общих суждений, не привожу также примеров многих применений магизма чисел у отсталых, да и не у отсталых народов.

Обращу лишь внимание на два существенные недомогания в изложении Lévy-Bruhl'я, да не у него одного. Во-первых, он пользуется термином «мистика» вместо «магия». Термин «мистика» анахронистичен в применении к характерному явлению. Затем Lévy-Bruhl делает обобщения по фотографируемой действительности, как она есть, точно это изначальное состояние, без палеонтологии, точно дело идет о действительно *Naturvolk*'ах, природой созданных общественностях, термин переживающий в изложении не одного Fettweis'а. Конечно, Lévy-Bruhl ссылается на магизм чисел и у культурных народов, опираясь, главным образом, на работу Ussener'а, посвященную более троячной символике христиан и ее источникам. Между тем, и для трактовки того же порядка явлений в письменных памятниках теперь требуется иной подход, хотя бы древность таких письменно зафиксированных показаний и даже фактов тысячелетиями предшествовала появлению также той письменной литературы, откуда мы берем известные арабские числа. По одним египетским письменным документам можно составить энциклопедию о магизме вообще слова, не только числительных. У меня была в руках работа московского египтолога В. И. Авдиева, это — доклад, читанный более десяти лет тому назад (1919) в Московском лингвистическом кружке и ждущий очереди печатания под заглавием: «Вера в магическую силу слова и имени в мировоззрении древних египтян». Дело, конечно, не в египтянах, да не в словах, как мы себе представляем их, а в именах-знаменаниях, из которых нельзя изъять и числительных также, как терминов лишь впоследствии культовых (позднее религиозных, раньше производственных культовых), в начале же тотемически-магических, положительных или отрицательных орудий производства, безразлично из растительного или звериного, одомашненного, в первую очередь производственно оцениваемого мира, лишь впоследствии анимистического или космически-стихийного, эти тотемы. В таком освещении и могут получить свое генетическое разъяснение совершенно не-

случайные встречи не только слов 'опасность' || 'ужас', с одной стороны, в яфетических переживаниях французской речи с аканием «danger», с оканием («tonnerre» 'гром' (← **ton-der*), герм., англ. «thunder» (← **ṭunder*), с эканием *denniz* 'море' (← **dengir*) 'море'- 'небо'³, resp. 'небо'¹ → 'солнце' → 'огонь', откуда и в усечении основа *ṭun + d-* немецкого глагола *an-ṭünd-en* 'зажигать') и, с другой — в линии развития называвшегося таким космическим тотемом ('небо' → 'солнце', последнее с наращением элемента С в значении 'дитяти') соответственного коллектива в количественном восприятии ['много' →] 'сто'. Здесь таким образом предельное высокое число не '10 000', не '1000', а '100'. Попутно напомним, какую исключительную роль играет у германцев *hundert* даже при исчислении свыше тысячи, что свидетельствует о длительности и в недавние эпохи господства 'сотни' как предельного числа. И таков же требуется подход к вопросу о происхождении уже не 'ста', а лишь 'десятка' в арабском, герм. и в семитических языках. Коллектив производства, впоследствии племенное образование ['род', 'племя' → 'много' = 'сто'] и его тотем [космический или иной культовый предмет, 'лес' → 'счастье', 'блаженство']. И, действительно, мы находим арб. *ṣaṭīr-aṣ*^{uu} 'род' (подраздел племени, 'племя', оно же социально 'ближайшие родственники с отцовской стороны', *ṣaṭīr* 'друг', 'товарищ', 'муж', 'супруг') → 'много' (арб. *kaṣīr*) 'обильный', также 'богатый', откуда глагол *ṣakṣaga*, евр. *ṣaṣer*, *ṣaṣir-* 'богатство' → 'десять' (арб. *ṣaṣar-aṣ*^{uu}), евр. *ṣeser*, (*ṣaser*, *ṣaser-eṣ*, *ṣ'sar-ōn*) и тотемически-культово (опуская позднейшее антропоморфизованное божество Иштари-Аштарты) евр. *ṣaṣṣog-eṣ* '*лес' → 'дерево' — арб. *ṣuṣar*^{uu} *Asclepias gigantea* 'вид дерева' → *ṣaṣir-eu* 'счастье', 'блажен'.

Само собой понятно, что в языках так наз. «исторических» эпох, именно звуковой речи этнически-родовой, особенно же феодально-земледельческой и тем более цеховой промышленной культуры мы не можем ожидать таких присущих первобытному, resp. до-логическому мышлению массовых увязок чисел с магиею, собственно с предметами магического воздействия, некогда тотемами. Более того, и тогда, когда пережиточно то или иное число проявляет созвучие с бесспорно культовым предметом, мы склонны отвести как странные случайные совпадения, мало интересуясь ассоциациями идей, находящимися вне поля зрения человека с современным мировоззрением, да еще из буржуазного мира, хотя имеющего весьма древние традиции исторического порядка.

Так известно, что число 'семь' в семитических языках увязывается с глаголом 'клясться'. По-арабски под трехсогласным корнем *sbʕ* числа 'семь' *sabʕ-aḏ^{un}* (м. *sabʕ^{un}*) приводится, казалось бы, лишь формально связанное с ним слово 'семь обходов вокруг Кабы' в двух разновидностях *subʕ^{un}*, *resp.* *subuʕ^{un}*, означающей также 'седьмую часть', и *ʕusbuʕ^{un}*, одновременно имеющей иное значение, именно 'неделя'. Едва ли, однако, бесспорно культовый акт, хождение вокруг Кабы, наречен был по названию числа 'семь', ибо обходили, мол, именно *семь* раз. Не говоря о том, что в роли такого культового термина мы видим не число 'семь', а или слово, означающее 'седьмую часть' или 'неделю', вовсе не всегда имевшую длительность 'семи дней', обманчива сама надежда объяснить название культового обычая магием числа 'семь' (чего мы вовсе не оспариваем), ибо такое объяснение приводит к тому, что оставляет нас в полном неведении, отчего же число 'семь' — магическое, *resp.* культовое? Другое дело факт, что того же корня глагол, наличный в еврейском со значением 'клясться' в формах *piḥ. pi-šbaʕ* 'он клялся', *hiḥ. hi-šbaʕ* 'он заклинал' и т. п. Палеонтологией речи установлено, что 'клясться' происходит от магического слова, впоследствии ставшего культовым, 'богом'. Что же, этим магическим словом впервые было отвлеченное же слово 'семь'? Конечно, нет. Некоторые думали помочь делу отождествимостью числительного 'семь' с названием дня субботы (*šabʕaḏ*), однако, 'субботу' семитологи толкуют филологически от глагола *šābaʕ* 'прекращать', 'оставлять (работу)', 'покоиться', в зависимости от бытового восприятия, что суббота была 'днем покоя', и мы не имеем основания, как увидим, даже палеонтологически возражать ни против значения 'оставлять (работу)', ни против 'покоя', и можем из грузинского указать параллели использования эквивалентного корня в форме *šwɪd* (→ *šwɪd*) и в значении 'покойный', 'спокойный' и в значении 'семи'. Однако, помимо того, что то же семитическое слово в другой семитической же среде соответственно ее оформлению (асс. *šabaʕtu*, *šaraʕtu*) означало в быту 'покаянный день', по языковым данным за ним устанавливается значение 'отрезка времени' (*Zeitabschnitt*),¹ что поддерживается арабским словом женского рода *saḏ-aḏ^{un}* 'погода длительная', 'длительность времени', 'некоторое время'. И вот тут мы подходим к тому, что должно вскрыть идеоло-

¹ Hoffmann, ZAW, 3, 121; *cp.* Lagarde. Übersicht über die im Aram. übliche Bildung der Nomina, 1889, стр. 113.

гию, лежащую в основе и 'клятвы', и 'семи', и 'отрезка времени', и 'субботы'. Это будет то слово, конкретное трудовое и в то же время магическое, впоследствии производственно-культовое, значительно позднее религиозно-культовое, к которому восходит, как к семантическому архетипу, такое отвлеченное понятие как 'время'. Знакомые с печатной литературой могли бы подсказать тот семантический архетип, но следует оговориться, что магическое, resp. производственное культовое значение сохранялось и за совершенно отвлеченным, казалось бы, словом 'время', как можно видеть по арамейскому, в частности сирийскому выражению *maṣkan zavn-ā* 'ковчег завета', буквально 'палатка времени'. Семитологи, не зная происхождения слова 'время', в частности сирийского слова *zavn-ā*, resp. *zabn-ā* производят из персидского, тогда как это и в персидском наследие от до-исторического для прометеидов ['индоевропейцев'] также населения, и толкуют наше выражение рационалистически, исходя из того, что ему соответствует в еврейском 'завет', 'обет' (*mōʿed: ʾohel mōʿed*). В сирийском словаре R. Payne Smith читаем: *valet habitatio, tabernaculum diei constituti, quo convenire solent: exponit tamen Bernstein quasi esset*   *habitatio temporanea* значит: 'обиталище, палатка договоренного (условленного) дня, когда обычно собираются'. Однако Bernstein излагает так, точно *maṣkan-ā* dʿ*ṭ* *zavn-ā* есть 'временное обиталище'.

Уже наличие двойного толкования слова *zavp-ā* 'время' одним в смысле 'срока', 'условленного дня', другим в смысле 'временности' или 'временного' показывает, что с пониманием его неблагополучно. Не помогла автору словаря, сводящему мнения специалистов, и ссылка на подходящий случай использования того же слова у Ефрема Сирина (II, 277): *bayḏā dāzavna* 'храм', буквально 'дом времени' с учетом того, что 'время' здесь пережиточно сохраняет значение культового предмета, лексикограф же это выражение переводит так: 'храм на длительное время' (*templum ad tempus duraturum*), не замечая, что 'храма' здесь нет, а 'дом'; если же переводить 'храм', что и следует делать, то в таком переводе учтено *zavpā*, и нечего его отдельно переводить. Происходит это от того, что специалисты сирийского языка не учитывают местного языческого переживания, в данном случае арамейского в переводе Библии, ни того, что армянский эквивалент *jam* также 'час', *gesp.* в грузинском 'время', имеет соответственное значение в этих языках, так *jam* у армян значит само по себе 'церковь', 'часовня', как место культового или магического предмета *jam* (*jam asel*

у армян буквально 'говорить jam' и jamis tigrva у грузин буквально 'служить jam', значит 'служить литургию', первично 'совершать поклонение jam'u' и т. п.). И если в данном случае лежащее в основе этого слова понятие благодетельное начало магической силы, гесп. позднее религиозного культового предмета, 'божество', то оно же могло бы быть использовано в других случаях как злое начало, 'бес' и возводившиеся к нему мировоззрением эпохи предметы, почему по-грузински это же слово значит 'чума'.

Но какой это семантический архетип, с которым заодно с 'временем' и 'клятвой' органически связано числительное имя, в данном случае 'семь'?

Нам уже приходилось указывать в печати, что строгая система, безукоризненно проведенная по всем числам с производством от 'руки', следовательно, по механическому восприятию мира, не свидетельствует об архаичности, еще менее о первичности системы счета, хотя бы она выступала с наглядностью материального мира в языках яфетической системы, в числе их в таком, как грузинский, где, например: не только 'три' и 'четыре' анализируются как составные $3 = 2 + 1$ (sa-m), $4 = 2 + 2$ (o-ḡḡ ← n'v'og-ḡḡal, откуда по усечении исходного слога фог+ḡḡ, основа глагола 1-фог+ḡḡ-a 'он ползал', буквально 'он двигался на четвереньках'), да и 'шесть', 'семь', 'восемь' и 'девять' также по сложению — $6 = 1 + 5$, $7 = 2 + 5$, $8 = 3 + 5$, гесп. в обратном порядке, как то иллюстрируется римскими цифрами VI, VII, VIII или по вычитанию — $9 = 10 - 1$, $8 = 10 - 2$, но ведь и узловые цифры 1, 2, 5, 10 совершенно ясно истолковываются как отвлеченные восприятия все той же 'руки', или 'одной' (1), или 'пары', гесп. 'двух' (2), или 'кулака с пятерней' (5) и его удвоения — 'десяти' ($10 = 5 + 5$).

В то же время, когда баскск. амаг 'десять' в армянском, имеющем с этим европейским яфетическим языком разительные встречи древнейшей ступени стадияльного развития,¹ находит свой двойник означающий 'счет', 'число' — хамаг (откуда глагол хамаг-el не только 'считать', но и 'почитать'), или это вовсе не принимается во внимание или воспринимается как естественное явление, ибо 'десять' ведь число, следовательно, отчего не происходить слову 'счет' от него, если вообще кто «верит» в возможность действительно генетического разъяснения чисел, а 'считать' и 'почи-

¹ О финских разновидностях именно баскского хамаг 'десять' с окающей (kümen) и экающей (кемен) огласовкой можно осведомиться в моей заметке «Пережиточные взаимоотношения свистящей и шипящей групп в огласовке мокша и эрзя мордовского языка», ДАН-В, 1927, стр. 143—147.

тать' ведь это чисто формальное дело замены одного предлога («с-») другим («по-»), а то и просто переносное, гесп. фигуральное использование в смысле 'почета', 'уважения', реального значения одного и того же слова: по армянски *hamag-el* значит без всякого изменения и 'читать' и 'почитать', 'уважать' (*hamag-umən* 'почет'), тем более тут не возникало никаких сомнений в первичности значения 'счет', 'число', что в персидском имеется его двойник *šimāg* 'число', значит и происхождение установлено. Дальше этого исследовательский взор лингвиста-формалиста не в силах что-либо заметить, ибо равнодушное отношение к идеологии, держание ее на задворках рабочей лаборатории как-будто языковедных изысканий, как непроницаемая завеса заслоняет канувшую в Лету былую действительность.

В свое время мы, не располагая подлинной палеонтологией речи и ее техникой, были равным образом беспомощны, когда золотые россыпи переживаний в яфетических языках нас заставляли отмечать не подлежащие никакому сомнению факты без понимания их сущности и значения, без увязки с системой счета в целом. Так, например, число арм. *šiw* из *šow* (род. *šow-ou*) и грузинское *šu-e* 'месяц'.

Последнее слово, грузинское, пережиток др.-л. *ššu-e*, что по нормам грузинской фонетики представляет случай продвижения к началу согласных, восходя к архетипу **ššu-še*, эквиваленту м., ч. *ššu-ša*, что значит не только 'месяц', 'отрезок времени', но и 'месяц-луну', *ššu*, гесп. *tu* с префиксом *l-* — *l-tu* имеется еще в шумерском в значении 'луны' и 'месяца'. Груз. *ššue* → *šue*, как и м., ч. *ššu-ša* двухэлементное (AC) образование, а арм. *šw-w* ~ *šw-w* 'число', некогда также означавшее 'светило', так в частности 'месяц-луну', также составное, но из элементов АВ, притом усеченное, полный его вид *šw-wal*, что у грузин значит 'глаз', а это — микрокосмическое использование светила, смотря по среде, точнее по ступени стадияльного развития, в частности, или 'луна', или 'солнце', в данной среде 'луна', и вот почему:

1) грузинский глагол, производный от него, *švi-l-a* значит 'считать', аор. I л. *v-šval-e* 'я считал';

2) то же *šw-wal*, означавшее в свое время прежде всего 'луну' и потом 'глаз', сохранилось со значением 'луна', но во избежание так наз. «двусмыслицы», наследия полисемантизма, в разновидности *šw + var-e* (обычно с префиксом *m-*, особенно в народном языке: *m-š + var-e*).

Наличное в шумерском *l-tu* 'луна', 'месяц' своей основой *tu* воспроизводящее первую часть груз. *ššue* (← *ššu-še*) || м., ч. *ššu-ša*, именно *ššu*,

усеченный вид ḡuḡ , имеет двойник спирантной группы в разновидностях всего трехступенного ряда $\text{ku}^{\text{r}}\text{r}^{\text{r}} \rightarrow \text{ḡu}^{\text{r}}\text{r}^{\text{r}} \rightarrow \text{ḡu}^{\text{r}}\text{r}^{\text{r}}$. Сейчас остановлюсь на первой и последней разновидности этого ряда, из коих первая, с утратой Фрикативности — kuḡ , сохранившаяся со значением ‘глаза’ в составе груз. нар. kuḡ-ḡqal ‘слеза’, буквально ‘глаза вода’, должна была, следовательно, означать и ‘светило’, в частности ‘луну’, и вот то же kuḡ , но с утратой плавного исхода однако, с возмещением долготой предшествующего гласного, именно kū («kuu») и имеем у Финнов-суоми в значении и ‘луны’, и ‘месяца’.

Что касается последней разновидности того же ряда, она налична в числительных со значением ‘пять’ у абхазов в виде ḡu ($\searrow \text{ḡ} \text{ḡ}$) без какого-либо осложнения, а у грузин с пережитком так называемого нумеративного слова ḡ — ḡuḡ ‘пять’. Однако, такой анализ с признанием пережитка нумеративного слова в ḡ правилен для позднейшей ступени стадияльного развития, при механическом или технологическом восприятии числа как отвлеченного понятия, символизуемого ‘рукой’, resp. ‘кулаком с пятерней’, а при космическом восприятии, грузинское ḡu-ḡ , усеченный вид составного из двух элементов (АС) слова *ḡu-ḡa , спирантного по первой части двойника м., ч. ḡu-ḡa ‘месяц’, ‘луна’, а при элементе В во второй части того же составного образования — $\text{ḡu-ms} \parallel \text{ḡa-ms}$, из коих первая разновидность используется в значении дроби ‘одной пятой’, тогда как это образование с узкой губной огласовкой ḡu-ms первоначально означало ‘пять’, как и арабское ḡa-ms с аканием первой части. Вторая часть, элемент В, здесь представлена группой ms в обычном виде с перебоем плавного в сибилант $\text{s} \parallel \text{ш}$ (евр. ḡā-mesh , ж. р. $\text{ḡa-mish-ā}^{\text{h}}$), причем первичный плавный держится в асс. ḡa-mil-ḡi ‘пять’. И вот сибилантная разновидность этого слова вскрывает космическое значение, присущее этому числительному, именно арб. $\text{sha-ms} \parallel \text{she-ms}$ ‘солнце’, евр. shemesh , слово некогда женского рода, как то видно из его множественного числа sh + mish-ḡay-k , где -k — местоименный суффикс II л.

Теперь будет легче указать, какой семантический архетип надо иметь в виду для семитического числа ‘семь’ — арб. $\text{sa-bḡ-aḡ}^{\text{un}}$ (в сочетании с именами мужского рода) ‘семь’ ($\text{sa + bḡ}^{\text{un}}$ в сочетании с именами женского рода), эквивалент которого еврейский she + baḡ , женский род $\text{sh + bḡ-ā}^{\text{h}}$ и т. д. означает ‘семь’. Другие сродные слова того же корня в семитических языках, в составе тех же согласных или их закономерных раз-

новидностей означают 'клятву', (евр. *šbūzāh*¹), 'клясться', 'заклинать' (*šbūz*: евр. *pi-šbaʕ*) и всю 'неделю' (арб. *subūʕ*, евр. *šābūʕa*) (постольку семитологи правы, придя к формальному заключению: «*indem sieben mit schwören irgendwie zusammenhängt*»), не потому, что в ней 'семь' (тогда 'седьмица') или иное число дней, а потому, что слово, будучи предметом культа, охватывало совокупностью своих проявлений или учитываемой в хозяйстве длительностью определенный отрезок времени, то 'семь', а то и 'пять' дней. Потому же, а не потому, что это было числительное 'семь', то же слово 'неделя', означая собственно 'магический' предмет, предмет культа, значило пережиточно у арабов, уже мусульман, культовое 'хождение вокруг Кабы' по бытованию семь раз, хотя взятые для этого значения слова означают не только 'неделю', допустим, о семи днях, но и дробное число $\frac{1}{7}$, оно же означало потому же и 'один праздничный день недели', посвященный магическому, геср. культовому предмету, 'богу', некогда тотему, а не потому, что это был седьмой или иной день, как не потому, что в этот день отдыхали в одной социальной среде, а в другой — калялись. Этот предмет культа, являя в своем образе наиболее наглядно 'время', особенно действенно осознаваемое в производстве, служил базой надстройки — отвлеченного представления о космическом зримом предмете. Звуковой символ есть по общественной функции знамение или имя, для первобытного мышления магически отождествляемое с предметом, для нас лишь сигнализации этого предмета, как установлено палеонтологией — 'неба', геср. 'солнца', или 'луны'. Потому термин означал не только также тот или иной отрезок времени, срок, но в первую голову тотем, в данном случае уже космический предмет культа, 'луну' или 'солнце', геср. 'небо'; потому же он означал и магическую силу или магическое действие, впоследствии культовое, именно 'богослужение'; в христианстве же тот же термин стал означать 'литургию' (арм., груз.), равно вместо такого магического действия — 'храм', как в латинском, где *templum* 'храм', некогда он же *tempus* 'время', род. *temporis* созвучно с *templum* 'храм' или 'божество', а описательно в приложении к 'дому', 'дом божества', 'палатка магической силы', тоже 'храм' или 'ковчег завета' и т. д.

¹ Сейчас не место останавливаться на том, что основа без женского оформления *šbūz-* представляет скрещенное образование, в архетипе **ša-buʕ*, *buʕ*, и вторая часть скрещенния — *šbūz-* в грузинском представлена ее закономерным двойником *φიშ-φიშ* 'клятва'.

Ведь то же самое мы теперь можем сказать про слово, у одних народов сохранившее значение 'числа', 'счета', а также 'почета', у других употребительное лишь в значении числительного; дело идет о баскском числительном *h'amaḡ*, 'десять'. Ведь иначе нельзя понять и использования слова 'десять' *hamaḡ* (→ *hamaḡ*, финск. *kymmen*), у армян (*hamar*), да и у персов (здесь в разновидности пишущей группы — *šimār*) со значением 'числа', гесп. 'счета', и мы должны были бы восстанавливать в качестве семантического архетипа числа 'десять' — 'солнце' или 'луну', если бы его не было в реальности, ибо один из семитических языков, именно арабский, сохранил его в слове *ḡamaḡ* 'луна', гесп. 'месяц', ибо то арабское слово мужского рода, в каком роде на известной ступени стадийного развития звуковой речи, яфетической, так и полагается 'луне', в противоположность 'солнцу', что женского рода: обратить нужно внимание, что слово 'солнце' в арабском действительно женского рода без женского оформления при так наз. мужском окончании *šams*¹, а в еврейском оно выявляет и формально женский род, как уже было показано, во множественном числе. В связи с этим в отношении арабского заслуживает внимания, что в числительных, как в первую очередь употребительных, оформление женского рода.

В связи же с этим будет понятно, почему 'считать' получает порой значение 'почитания', 'уважения', и например, в армянском имя действия *hamar-u + tən* при глаголе *hamar-el* 'считать' означает 'почитание', 'уважение' и т. д., ибо в сознании коллектива переживает архаичное значение слова, когда оно означало тотем, гесп. 'бог', космически — конкретно 'луну', гесп. 'солнце', следовательно, и 'небо', почему, между прочим, по 'небу' *ḡamaḡ* обычно используется в значении 'свода', 'арки' в языках различных систем, как то прослежено в моей работе, озаглавленной «*Quelques termes d'architecture désignant 'voûte' ou 'arc'.*»¹

Но вот при намечении смысла 'неба' и для *hamar* разъясняется одно совершенно иначе непонятное его использование у армян в народной речи, именно со значением послелога, соответствующего русскому предлогу 'для'. Палеонтологию речи, однако, установлено, что 'для', 'в пользу кого-либо', как 'сам', выражается именем, означающим 'голову',² вот почему у грузин оформленно послелог пад. от *ḡu* (м. *du-d-i*) 'голова' *ḡu-is*

¹ ЯС, II, стр. 137—167.

² Н. Марр. О слоях различных типологических эпох в языках протетической системы. ИАН, 1927, стр. 383—344.

значит 'для' или вот почему неформленно пережиток яфетического *rig* ($\longleftrightarrow$ *por*), ныне наличного в баскском слове *bur-и* 'голова', эквиваленте чув. *риç* 'голова', у французов в им свойственной транскрипции «*roug*» служит предлогом 'для'. И вот раз *hamaг* первично в своем полисемантизме имело значение и 'неба', то при учете трехзначного семантического пучка 'небо+гора+голова', мы поймем легко, почему это же арм. *hamaг* употребляется как последок в значении 'для', особенно, имея теперь в виду, что 'голова' в то же время на известной ступени стадияльного развития сменила слово, социальный термин, сигнализовавший 'принадлежность', 'собственность' и всему коллективу, *геср.* его тотему и впоследствии 'особе'. Во всяком случае связь 'числа', 'счета' со 'временем', конкретно, следовательно, с 'небом', *геср.* 'солнцем', или 'луной', не может быть отвергаема.

В составе баск. *hamaг* $\rightarrow$ *a-maг* 'десять' мы имеем те же два элемента АВ, но лишь в ином расположении, что в мегрельском *maг-a* 'неделя', *maг+a-ше* 'еженедельно', явно такого же происхождения, и напрасно покойный ученик мой И. А. Кипшидзе старался с моего тогда благословения, цепляясь за варианты *maгua*, *maгuo*, требующие совершенно особого разъяснения, возводить этот термин к числу *гuo* 'восемь', и в *ma-гuo*, с префиксом *ma-*, видеть порядковое числительное 'восьмой'. *Maг-a* значит не какой-либо отдельный день, а длительность 'недели', но вопрос лишь в том: 'недели' какой длительности?

Также напрасно сбитый с толку формальной установкой грузино семитических взаимоотношений, автор настоящих строк двадцать лет тому назад, разъяснил *гiđqи* 'число', и при тогда наметившейся увязке роднил его со светилом ('луной'), лишь путем опоры на фонетические изменения в грузинском слове, тогда как налицо безукоризненное образование составного слова в значении 'дитя' ($-đqи \rightarrow -đq$) неба (*гi---**ги-||га-*), остановимся ли на *гi-đqи* 'число' или возьмем его двойник с аканием, основу глагола 'считать', 'почитать' — *га-đq*. Вопрос может тут быть прежде всего лишь в том, надо ли иметь в виду из светил 'луну' (ср. арм. *lus-in*) или 'солнце'? Но далее дело осложняется и тем, что не только данная основа и без придатка $-đqи$ 'дитя' (ср. мегр. *sku-a* 'сын'), именно *га*, *геср.* *la||го* $\longleftrightarrow$ *ги*, сигнализуя 'небо' (ср. русск. «ра-ду+га» 'небесная дуга'), первично использовалась и для обозначения 'солнца', *геср.* 'луны', но впоследствии по космическим терминам получили наименования и члены тела (микрокосм), в числе их 'рука', имеющая столь существенно важную роль в общей идеологической стандартизации

числительных (ср. выше, стр. 619 соответственное значение той же основы $gu \leftarrow gu \sim guh$).

Пункты, требующие разъяснения в отношении зависимости 'счета' от 'солнца' или 'луны', это, во-первых, то, к какой ступени стадийного развития надо отнести эту связь и с нею навязывающееся решение вопроса о происхождении чисел и, во-вторых, какой отрезок времени, оправдываемый таким закономерным наречением по светилу ('солнцу' или 'луне') или небу, имеется в виду, чтобы реально оправдать значение того или иного числительного, и есть ли в числе числительных такого астрально-космического происхождения 'десять'?

Вопрос о длительности недели не мог бы смутить. Неделя, конечно, вчера у нас была в 7—6 дней, а сегодня в 5, однако, пятидневная неделя была уже в древности, до семидневной, и в связи с этим длительность в 10 дней не могла не представить также определенного отрезка времени, связанного или в быту с хозяйственными работами или с восприятием движений космических тел. Конечно, мы могли бы довольствоваться, как мы то делали, тем, что при восприятии чисел, как символизуемых 'рукой', в значении 'десяти' использовано 'пять', геср. 'кулак с пятью пальцами', 'пятерня' с учетом двух 'рук', как 'руки' значит в той же системе 'один', она же как пара рук — 'два'. 'Десять', наконец, означало в свое время 'много', и как таковое на соответственной ступени развития числительных, когда их не было больше 'пяти', 'пять', означая 'много', могло быть использовано в значении 'десяти'. Но с полисемантизмом 'десяти' надо быть осторожным. 'Десять', действительно означает 'много', как при другом охвате '10 000', у одних народов или в одной социальной среде употребляющееся в этом числовом значении, в другом означает 'много'.

Дело в том, что стадийный подход устанавливает для более древней ступени развития названий чисел, при всей необходимой для счета конкретности, еще пребывание в полосе магического восприятия по связи с космическими явлениями с наречением по ним, и это требует того, что с теми же магическими, геср. культовыми космическими телами, 'небом', 'солнцем' и т. п., находясь в увязке на соответственной ступени стадийного развития так наз. племенные названия, первично тотемы производственно-социальных группировок, отсюда факт, что названия народов означают 'дети неба', 'солнца', 'солнышка', а раз так, то будет понятно, почему 'десять' оказывается повторяющим слово, означающее племенное название; с представле-

нием о племени, народе, увязывается в целом представление о массе, отсюда совпадение у 'десяти' со словом означающим 'много', а с восприятием части от целого увязывается с 'человеком', что также часто всплывает в значениях 'десяти' только потому, что число 'десять' также восходит к 'небу', гесп. к 'светилу' — 'луне' или 'солнцу', как племенное название.

Потому св. *q̄waу* 'много', пережиток фонетического архетипа **q̄o-var*, формально лишь разновидность бск. *ha-maḡ* 'десять', но идеологически имеет свою собственную, независимую связь с 'небом', гесп. с тем или иным его выявлением через название народа (ср. *ḡq̄maḡ*, *komag-it'ы*) в массовом представлении о нем.

Но обсуждение по связи племенных названий тотемного происхождения с составностью нашего числительного особая статья. Наши попутные (см. и выше, стр. 622, и ниже, 645) замечания по этой части — случайно прихваченные капельки из моря. С составным двухэлементным (AB) образованием увязываются племенные названия населенной территории во всю ширь мира от Финского севера¹ до не только кавказского и месопотамского юга, но до почти экваториальной зоны, южной Аравии с ее Но-меуг-ит'ами. Однако, на таком мировом протяжении с конкретными представлениями различных ступеней стадийного развития при учете и северных разновидностей звуковой речи получаем фактические опоры для подхода к более точному определению первичного смысла семитического термина евр. *šabāḡ* 'суббота', как названия, смещенного по функции с возглавления пятидневной недели — пятницы на возглавление седмицы, т. е. ставимся в необходимость в названии 'субботы', как в арамейском, гесп. сирийском названии 'пятницы', оказавшемся у семитов наследием от народов с языками яфетической системы, видеть разновидность предмета культа на Кавказе *taḡ+ma-ḡ* (в Свании, в Грузии: *taḡ+maḡ-ḡ* 'язычник', 'служитель этого тотема'), в глубинной Азии — «ша+ман-а». И при этом толковании, ведущем к космическому тотему — 'небу', тем более представляет живой интерес само еврейское слово, что оно хотя и частично, именно во множественном числе, проявляет женское оформление, т. е. дает основание для отнесения термина к словотворчеству эпохи матриархального строя. Но это не все. Соответственно составному названию некогда наименованию производственного коллектива и его тотему форме социальной структуры предшествовала более простая

¹ Н. Марр. Суоми-карельские и сомех-картские языки (Предварительный отчет). ДАН, 1929, стр. 29—33.

форма общности, менее сложная производственная структура, когда производственный коллектив, равно его тотем именовался одним из двух наличных в разобранном сложном образовании элементов или А (ha'г¹) и В (ma'г¹, resp. m¹'г¹) и при этой общности с функцией обозначения тех же узловых чисел (1, 2, 5, 10, 100) служил соответственный простой элемент, так элемент — В — m¹ ↔ me ← meу (✓ meг) у армян 'один' вообще, в народной речи в роли неопределенного члена, диалектически тә, у грузин 'один' me в роли неопределенной частицы в местоимениях и m 'один' в составе трех — sa-m, буквально 'два один', у «финнов» также в составе 'грех' — суоми kol-me → эст. kol-m, буквально 'два один', эст. kol-m (эзя с оканием kol-то ↓ мар. с нумеративным придатком -t—ku+me-t, resp. kə+m-t), у эллинов m¹- основа 'единицы' с женским оформлением m¹-a (μία) 'одна', у турок bir 'один', у басков m¹ (в названии Биаррица M¹-arg¹ 'дуба') ✓ bi 'два' (с пережитками в языках прометеидской системы), у удмуртов в ту-s десять в составе 'девяти' — uk-ту+s буквально — '1.10', т. е. '(без) одного десять' и суоми mie-s 'человек' (= один из коллектива), русск. «мир» 'весь коллектив' и др., элемент А — ag 'один' у армян в составе народного ig+e-ag 'друг друга', букв. 'один (ig+e) одного (ag)', у чанов — ag (диал.) 'один' и др., у урмян haг 'десять' в составе haг-иг → haг-игг буквально 'десять десять', у сванов а-шиг 'десять', буквально 'пять + пять', у арабов ʕa+шаг-гаḏ¹ 'десять', буквально 'пять + пять' и в то же время, как выше было указано (стр. 633) в нарицательных именах термин или основа ряда терминов социального строя, и родового и до-родового, производственного, и племенное название haг, из переднеазиатской хеттской клинописи, архетип основы (haу) со средних веков выплывающего и в письменности уже христианской Армении названия нации, феодального сословия и населяемой им страны haу-q, в которой совпали усеченный вид, с одной стороны, элемента С (*haуно ← haпю, р. haуо-ḡ, ср. Тау-q, р. Тауо-ḡ, г. Тао → *Тава → Дава в Dav+aḡ, названии племени), с другой стороны — все того же элемента А со сращением второй части, элемента С (ḡ ← k, у армян q ← k) в композит с первым haу (← haг) — Haу+k, имя легендарного прародителя армян, собственно название космического тотема 'небо' → 'солнце' ('небесенок'), откуда переживание его полностью в виде Haуk в качестве названия созвездия Ориона, а одного элемента haу, означавшего при полисемантизме самостоятельно также 'солнце', микрокосмически 'глаз', в основе глагола др.-л. haу-тm 'смотрю', от космического же значения нарицательно без ослабления

главного *haḡ* — термин социальной структуры, впоследствии термин родства — арм. *haḡ* (← *haḡ-i*) ‘отец’, арм. *aḡ* ‘муж’ (один из коллектива) и весь коллектив — ‘войско’, ‘народ’ (г. ег ‘войско’, ‘нация’).

Потому же не случайна встреча в одном гнезде под трехсложным корнем *ḡshḡ* таких сближенных нами на своем месте арабских слов, как *ḡshaḡ* - *ad*^{an} ‘десять’, *ḡshḡ*^{an} ‘род’, ‘колено’, ‘племя’, словом, первично-производственно-социальный коллектив с соответственным космическим тотемом и каждый из членов коллектива *ḡshḡ*^{an} ‘товарищ’, ‘приятель’, ‘родственник’, более того, из круга членов коллектива первично с товарищескими по производству и его общему тотему, лишь впоследствии с родственными по происхождению и крови взаимоотношениями возникает и социально зачатый термин ‘человек’, так в частности груз. *kaḡ* \ *ad* ‘человек’ (греч. *ἀδελφός* ‘брат’, ‘сестра’) с утратой же фрикативности ‘десять’ *ad*, оба восходящие, каждый независимо, к общему семантическому архетипу: *kaḡ* ‘человек’ — к «племенному» названию (касситы, кас-пы, ка-хи и т. д.), к космическому тотему (‘небу’, ‘солнце’), *ad* ‘десять’ к тому же «племенному» названию, как обозначению ‘массы коллектива’ (первично — производственно-социальной группировки), ‘множества’, ‘многого’.

Но если ‘человек’ по случайности встречается с ‘десятью’, по случайности ли встречается животное, притом одомашненное, например, ‘овца’ с ‘четырьмя’? Не есть ли такая встреча такая же закономерная реальность, результат определенной хозяйственно-общественной структуры и соответственного мышления на подлежащей ступени стадияльного развития человечества? И если, допустим, астрально-космическое обоснование и разъяснение чисел в целом, как система может быть увязана с земледельческим бытом, не следует ли связь числа с названием домашнего животного отнести на счет скотоводческого быта? Мы пока в этом смысле не хотели бы ничего утверждать, мы лишь говорим то, что при нынешней разработке сигнализирует языковой материал. И потому мы воздерживаемся пока и от навязывающейся и сейчас последовательности генетического разъяснения числительных в звуковом их обозначении сначала по связям с космическим мировоззрением, затем с общественным строем и, наконец, с технико-механическим с помощью ‘руки’ восприятием.